

In the texts written in old Russian script, the use of the term “татары” (Tatars) referencing the Bulgars of [Volga Bulgaria](#) (8th century-1236), the neighbors of Principalities of Suzdal, Vladimir, Moscow (1123-1547) is present starting late 15th century (reign of [Ivan 3d](#)). In the classical Russian literature (18-20ies century), “Tatars” are interchangeably used for both indigenous people of the lands and heritage of Volga Bulgaria as well as the people who came under Genghis khan’s leadership from Altai lands, who invaded and destroyed many achievements of prosperous State of Volga Bulgaria. Below are few examples mentioning “Tatars” with derogatory and negative connotations.

1880: F. Dostoevsky “Brothers Karamazovs”

“tatarshchina”

Suffix *-shchina* is used to form a collective noun, usually, with negative connotation

— Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то есть без литературного предисловия, тьфу! — засмеялся Иван, — а какой уж я сочинитель! Видишь, действие у меня происходит в шестнадцатом столетии, а тогда, — тебе, впрочем, это должно быть известно еще из классов, — тогда как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горние силы. Я уж про Данта не говорю. Во Франции судейские клерки, а тоже и по монастырям монахи давали целые представления, в которых выводили на сцену Мадонну, ангелов, святых, Христа и самого бога. Тогда всё это было очень просто и просто. В «Notre Dame de Paris»¹ у Виктора Гюго в честь рождения французского дофина, в Париже, при Людовике XI, в зале ратуши дается назидательное и даровое представление народу под названием: «Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie»,² где и является она сама лично и произносит свой bon jugement³. У нас в Москве, в допетровскую старину, такие же почти драматические представления, из Ветхого завета особенно, тоже совершались по временам; но, кроме драматических представлений, по всему миру ходило тогда много повестей и «стихов», в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм, да еще когда — в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): «Можение богородицы по мукам», с картинками и со смелостью не ниже дантовских. Богоматерь посещает ад, и руководит ее «по мукам» архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то «тех уже забывает бог» — выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, пораженная и плачущая богоматерь падает пред престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор ее с богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а

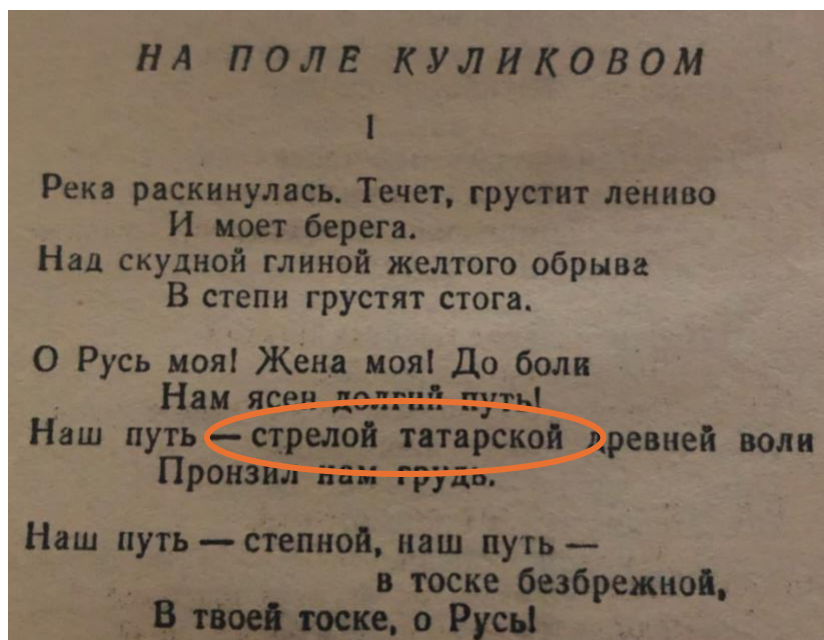
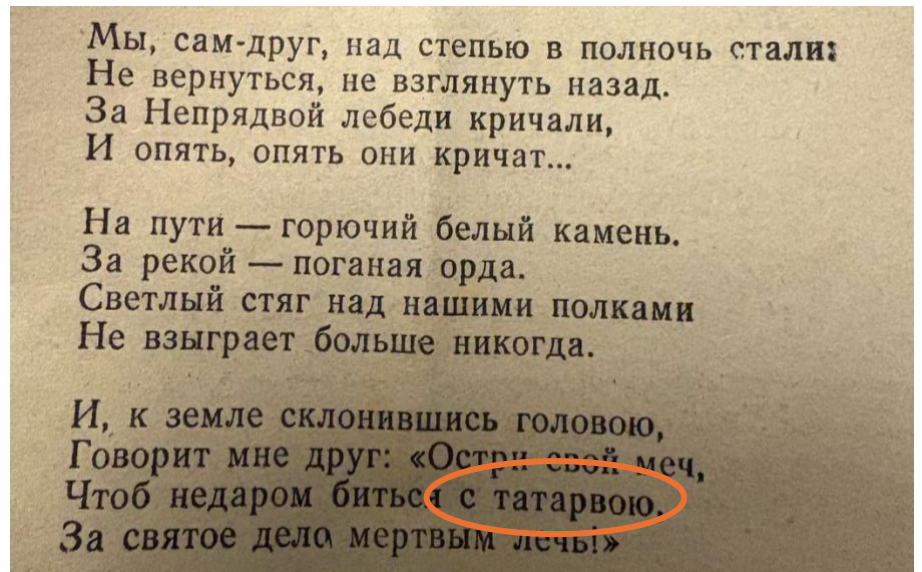
Иван Федорович вновь с самым серьезнейшим видом нагнулся.
— Люблю тебя так же, как и Алешку. Ты не думай, что я тебя не люблю. Ко-
нячку?
— Дайте. «Однако сам-то ты порядочно нагрузил», — пристально погля-
дел на отца Иван Федорович. Смердякова же он наблюдал с чрезвычайным любо-
пытством.
— Анафема ты проклят и теперь, — разразился вдруг Григорий, — и как же
ты после того, подлец, рассуждать смеешь, если...
— Не бранись, Григорий, не бранись! — прервал Федор Павлович.
— Вы переждите, Григорий Васильевич, хотя бы самое даже малое время-с,
и послушайте дальше, потому что я всего не окончил. Потому в самое то время,
как я богом стану немедленно проклят-с, в самый, тот самый высший момент-с, я
уже стал всё равно как бы иноязычником, и крещение мое с меня снимается и ни
во что вменяется, — так ли хоть это-с?
— Заклучай, брат, скорей, заклучай, — поторопил Федор Павлович, с на-
слаждением хлебнув из рюмки.
— А коли я уж не христианин, то, значит, я и не солгал мучителям, когда они
спрашивали: «Христианин я или не христианин», ибо я уже был самим богом
совлечен моего христианства, по причине одного лишь замысла и прежде чем
даже слово успел мое молвить мучителям. А коли я уже разжалован, то каким же
манером и по какой справедливости станут спрашивать с меня на том свете как с
христианина за то, что я отрекся Христа, тогда как я за помышление только одно,
еще до отречения, был уже крещения моего совлечен? Коли я уж не христианин,
значит, я и не могу от Христа отречься, ибо не от чего тогда мне и отречься
будет. С татарина поганого кто же станет спрашивать, Григорий Васильевич, хотя
бы и в неессах, за то, что он не христианином родился, и кто же станет его за это
наказывать, рассуждая, что с одного вола двух шкур не дерут. Да и сам бог все-
держитель с татарина если и будет спрашивать, когда тот помрет, то, полагаю,
каким-нибудь самым малым наказанием (так как нельзя же совсем не наказывать
его), рассудив, что ведь неповинен же он в том, если от поганых родителей пога-
ным на свет произошел. Не может же господь бог насильно взять татарина и го-
ворить про него, что и он был христианином? Ведь значило бы тогда, что господь
вседержитель скажет сущую неправду. А разве может господь вседержитель неба
и земли произнести ложь, хотя бы в одном только каком-нибудь слове-с?
Григорий остолбенел и смотрел на оратора, выпучив глаза. Он хоть и не по-

“pogany tatarin” means “filthy tatar”

This expression is used regularly by Dostoyevsky who is a staple of Russian Literature and read globally. Negative bias towards indigenous people of modern Tatarstan of Rossiyan Federation is proliferated in classical literature.

1908. Alexandr Blok, Collection of Poems

“*tatarva*”
suffix *-va* is used to form a
collective noun, usually, with
negative connotation

“*strela tatarskaya..*”
is “tatar arrow..” Alexandr Blok writes
about the warriors of Chingis Khan’s
army, the Tatars, attacking Rus’. The
Blok’s literary works is part of public
schools’ Russian Literature curriculum

1982. Hand-painted jewelry box in khokhlama technique, USSR

*"Ilya biet tatarvu, slovno kosit travu" can be translated as
"Ilya beats tatarva the same way he mows the grass"*

